В сиянии божественного нимба

Эдуард Немировский

Edward Nemirovsky

В сиянии божественного нимба

«Автор»
2026

Nemirovsky E.

В сиянии божественного нимба / E. Nemirovsky — «Автор», 2026

Автор рассказывает историю, основанную на своих личных впечатлениях и опыте, а также на опыте своих предков, переживших драматические события XX века в стране с коммунистическими идеалами. Он использует сведения об исторических фактах и личностях, добавляя к реальным, иногда малоизвестным деталям вымышленные. Этот прием позволяет играть с границами между действительностью и фантазией, создавая особый художественный мир.

© Nemirovsky E., 2026
© Автор, 2026

Edward Nemirovsky
В сиянии божественного нимба

В сиянии божественного нимба
(глава из повести «Врата „Мгновения“»)
В Москву! В Москву! В Москву!
А. П. Чехов, «Три сестры»

Июнь — прекрасное время года в Москве: ни холода, ни дождей, ни духоты. В город приехали лучшие музыканты мира для участия в международном конкурсе имени Чайковского. Марк стоял у памятника композитору перед зданием Московской государственной консерватории и смотрел на его благородное лицо, запечатленное в бронзе, — лицо гения. Чайковский изображен в момент творческого вдохновения, сидящим в кресле перед пюпитром, на котором лежит раскрытая партитура.

Неожиданно Марк вспомнил слова своего старшего товарища в детстве — музыканта Изи о том, что даже великие творцы, такие как писатель Достоевский или композитор Чайковский, грешили антисемитизмом. «В переписке Чайковского с его покровительницей фон Мекк, — рассказал Изя, — они оба писали с такой ненавистью и презрением о евреях. И это в „благодарность“ братьям Рубинштейнам, Антону и Николаю, евреям по национальности, великим музыкантам, которым Чайковский был обязан своей карьерой композитора. Они основали петербургскую и московскую консерватории и активно пропагандировали его музыку».

Марк очень расстроился тогда. И сейчас стоял у памятника Чайковскому грустный и озадаченный: «Нет! Не верю. Не может уживаться рядом прекрасное, созданное этим человеком, и безобразное. Не может этого быть!»

Он подошел ближе к зданию консерватории. Возле нее толпились люди: студенты, любители музыки, приехавшие из разных городов страны, и просто любопытствующие.

Марк обратил внимание на стоявшего невдалеке человека с мужественным лицом. Он узнал его — выдающегося пианиста Рудольфа Керера.

В тринадцатилетнем возрасте Марк влюбился в «Лунную сонату» Бетховена благодаря именно его исполнению. Впервые он услышал эту музыку в фильме о Ленине, где Керер сыграл роль пианиста. По сюжету фильма Ленину не очень понравилось исполнение Революционного этюда Шопена, и он раскритиковал пианиста, заметив, что техника не столь важна, — вождю, видите ли, не хватило «души» в музыке. «Все-то он понимал… лучше всех… даже Шопена», — улыбнулся Марк, вспомнив этот эпизод.

В этом фильме Ленин, беседуя с Максимом Горьким, возмущался английским писателем Гербертом Уэллсом, с которым недавно встречался. «Мещанин! — кричал Ленин. — В его представлении он погружает все будущее России во мглу. Мещанин!» А потом стал слушать «Аппассионату» Бетховена — ее как раз исполнял Рудольф Керер. «Ничего не знаю лучше „Аппассионаты“, — мечтательно произнес вождь революции. — Готов слушать каждый день… Но часто слушать музыку не могу… — улыбнулся он. — Хочется милые глупости говорить всем… гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головкам нельзя. Руку откусят… Надо бить по головкам… Бить безжалостно…»

— Тьфу! — сплюнул Марк, вспомнив этот эпизод в подробностях.

Но тогда Марк был потрясен гениальной игрой пианиста. Правда, молоденькому Кереру в фильме после выступления перед вождем революции какое-то время пришлось стоять молча

и выслушивать его галиматью. А теперь этот замечательный пианист стоит рядом с Марком и увлечен беседой с другим музыкантом.

Рудольф Керер, наверное, почувствовал, что Марк рассматривает его, и дружелюбно взглянул в его сторону. Тот сразу же отвернулся, чтобы не выглядеть назойливым поклонником.

А вокруг Марка толпилась молодежь. «Наверняка студенты Московской консерватории…» — с некоторой грустью и завистью подумал он.

Старушки интеллигентного вида возбужденно обсуждали программу:

— Я обязательно пойду на американского пианиста Токко. Вчера слушала его на репетиции.

— А я куплю билеты, когда будет выступать американец Гутьеррес.

— Говорят, еще можно свободно достать.

— Ох! Этот Артур Морейра-Лима из Бразилии — поеду за ним куда угодно, если он где-то будет играть.

Марку было все равно, кого из конкурсантов слушать. Все они в его воображении представали в сиянии божественного нимба. Любили ли они классическую музыку так же страстно, как он? Это неважно. Боги любили их, одарив талантом.

Извечная драма, веками будоражащая и разделяющая людей, — противостояние Моцарта и Сальери. К слову, гениального композитора и педагога Сальери, воспитавшего Людвига ван Бетховена и Франца Шуберта, оклеветали: он непричастен к смерти Моцарта. Но, в конечном счете, это неважно. Сальери — символ несправедливости. Тех, кто страстно любит, Господь часто обделяет своим вниманием и одаривает талантами других, иногда не столь глубоких и возвышенных душой.

Но Марк не завидовал. Он был благодарен судьбе за возможность быть вовлеченным в прекрасное — стать его частью. Он с нетерпением ждал встречи с самыми одаренными музыкантами, приехавшими со всего мира, такими же молодыми, как и он.

Марк продолжал с интересом наблюдать за публикой, состоявшей преимущественно из интеллигентных людей, которые явно ощущали себя избранниками музы — покровительницы творчества и вдохновения.

В какой-то момент недалеко от Марка образовалось безлюдное пространство, освещенное пробивающимися через высотные здания лучами солнца. И в этом ореоле сияния стоял коренастый человек с показавшимися знакомыми угловатыми и волевыми чертами лица. Фигурой он походил на властного партийного чиновника — выходца из рабочих и крестьян. Но его глаза! В них угадывался целый мир вдохновения, мудрости и страсти!

Марк тут же узнал этого человека — Эмиль Гилельс! Легенда! Музыкант, имевший мало соперников в мировом пианизме целого столетия и не имевший их в отечественном.

Гилельс вежливо вел беседу на английском с двумя иностранцами — судя по их несоветскому элегантному виду, англичанами. Чувствовалось, что Гилельс давно знаком с ними; ведь он часто бывал за границей на гастролях. Джентльмен старшего возраста выглядел респектабельно. Другой, помоложе, с тростью-зонтиком, скорее всего, был его сын; он не участвовал в беседе, скромно слушал и был одет изысканно, как в советских фильмах о господах-капиталистах.

Марк невзначай услышал, как господин старшего возраста, скорее шутя, сказал: «My son is also a pianist and dreams of coming to you for the competition». Гилельс доброжелательно кивнул, а сын англичанина манерно, аристократично стесняясь, прикрыл губы ладонью.

Марк наблюдал за ними с некоторой мечтательной завистью: «Богатые, видимо… Счастливые! Свободные!» Потом с восхищением и даже преклонением рассматривал Гилельса, привыкшего к вниманию публики, что не мешало ему. «Ему нет равных в нашей стране… А впрочем… Святослав Рихтер!» — вспомнил Марк.

Марк читал книгу Генриха Нейгауза — учителя Рихтера и Гилельса — и часто слушал граммофонные записи уникальных уроков этого великого педагога с его не менее одаренными учениками. Нейгауз был еще одним советским гением, воспитавшим целую плеяду знаменитых пианистов. Однако увидеть его было уже невозможно: он ушел из жизни несколькими годами ранее. Тем не менее Марк рос на его уроках через граммофонные записи и часто перечитывал его книгу «Записки педагога».

Марк также слышал о ссоре Нейгауза с Гилельсом. Возможно, слухи были правдивы… Нейгауз боготворил Святослава Рихтера, искусство которого было ему ближе. Манера Гилельса, виртуозно-сдержанная, казалась Нейгаузу более сухой. Однажды после блистательного выступления Рихтера он театрально встал перед ним на колени при всех учениках, сложив руки молитвенно, и воскликнул: «Гений!» Рассказывали, что когда юный Рихтер приехал в Москву из Одессы и Нейгауз впервые услышал его игру на вступительном экзамене, он воскликнул: «Вот ученик, о котором я мечтал всю жизнь!»

У Рихтера не было постоянного жилья, и Нейгауз приютил юного музыканта. Святослав подолгу жил в большой, гостеприимной семье своего учителя и часто спал прямо под роялем, а Генрих Нейгауз, приходя вечером домой, ругал его за неспособность выучить предмет истории КПСС. Рихтер задержался с окончанием консерватории именно из-за академической задолженности по марксизму-ленинизму. Гений Рихтера, парящий где-то высоко в облаках, никак не мог постичь гения Маркса, который, похоже, пребывал в ином пространстве — где-то в преисподней.

Хотя Нейгауз восхищался талантом Рихтера, в трудную минуту именно Эмиль Гилельс проявил решительность и смелость, чтобы спасти своего учителя. Нейгауза арестовали в 1941 году по ложному обвинению в шпионаже и антисоветской агитации. Его освободили из заключения благодаря отчаянному поступку Гилельса, который был одним из немногих, кто пользовался расположением самого Сталина, что позволяло ему иногда просить о помощи для репрессированных коллег.

Сталин называл Гилельса «нашим золотом», и вождю приписывали фразу: «У Гитлера — Геббельс, а у Сталина — Гилельс». Вождь ценил его как «визитную карточку» СССР — советского гения, которому рукоплескали по всему миру. Пианист пошел на огромный риск, чтобы спасти Нейгауза из сталинских застенков: на правительственном приеме в Кремле в честь Черчилля он обратился с просьбой освободить своего учителя прямо к Сталину в присутствии самого Черчилля, что могло стоить Гилельсу жизни. Вскоре Нейгауза освободили, но отправили в ссылку в Свердловск. Гилельс навещал его там, привозил продукты и поддерживал. Спустя время его учителя вернули в Москву.

Однако, по всей видимости, Гилельс обиделся на Нейгауза после выхода его книги, в которой тот восхищался Рихтером и довольно сухо отзывался о Гилельсе. Всемирно известный пианист считал себя не менее гениальным и имел на это право. Он написал письмо своему учителю, в котором попросил больше никогда не называть его своим учеником, что стало тяжелым ударом для Нейгауза. Говорят, незадолго до кончины Нейгауза, когда тот был болен, два великих музыканта помирились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.